

Письмо к приятелю

И. М. Муравьев-Апостол. Письма из Москвы в Нижний Новгород
Серия "Литературные памятники"
СПб, "Наука", 2002
Scan [ImWerden](#)
OCR Бычков М. Н.

Δωροφᾶγοι, σκολιῶν δὲ δικῶν ἐπὶ πάγχυν λαβεσβε

Οἱ οἷ' αὐψφ κακὰ ἱεὔχει ἀνὴρ ἄλλῳ κακὰ τεύχων

Пожирающие дары, хорошенько скрывают (ваш) кривосуд.

Самому себе вредит тот, кто наносит вред другому.

Hesiod. Op. cit. Dies. 264--5.

Вы желали иметь историческое сведение о моем *апостольстве*, о деле, которое, конечно, займет не последнее место в собрании (естьли за таковое когда-нибудь и у нас примутся) des Causes Célèbres: {"Знаменитых Тяжеб" (*лат.*).} ополчитесь же терпением; ибо я, по примеру древних повествователей о Троянской войне, должен начать *от яйца*, из которого вылупилась Елена, *толиких бед виновница*!¹

В 1796 году, путешествуя по южной России, я заехал к Апостолу, потому что жилище его было на пути моем в Киев. Он принял, обласкал меня, как ближайшего родственника. Я прогостил у него дня три; и этим ограничилась тогда связь наша: ибо, возвратясь в столицу, я вскоре был назначен министром вне государства и не прежде возвратился в отечество мое, как чрез четыре года, в конце 1800.

Я не успел еще оглядеться около себя, как явился ко мне поверенный Апостола, прося меня защитить верителя своего от нападений ближних его родственников, кои, пользуясь его сиротством и заключив союз между собою, истощали все способы ябеды, дабы лишить его, еще при жизни, всего достояния его. Руководствуясь простым, бескорыстным участием, внушенным мне, с одной стороны, сожалением к беззащитности, с другой презрением к корыстолюбию, я горячо вступился за обиженного, и мне посчастливилось представить дело его в настоящем виде некоторым особам, тогда делами рода сего управлявшим.² Человек, который был накануне того, чтобы всего лишиться, даже убежища и пропитания, и вдобавок к тому быть заключенным в монастыре,³ увидел себя вдруг торжествующим над врагами своими, их уничтоженными, себя освобожденным от их угнетения.

Таков был внезапный оборот дела Апостола, и в сем состояло единственное право мое на благодарность его, которой, впрочем, я не ожидал и не требовал. Да и он, так сказать, не помрачил чистоты моих намерений: ибо не зная еще о неожиданном перевороте в его делах, он сделал мне первое предложение принять фамилию *Апостол* и по нем в наследство все имение.

Я долго колебался принять предложение его, представляя ему: 1) что вся цена моих к нему заслуг потеряется, как скоро можно будет привязать к ним мысль о корысти; 2) что он имеет родственников, которые хотя по крови к нему и не ближе меня,⁴ но по установленному законами порядку имеют преимущественное против меня право на наследство; 3) что, имев счастье защитить его от гонений его ближних, я чрез то самое сделался неспособным быть беспристрастным судьей между ним и ими, и, наконец, 4) что, будучи лишен, от самого рождения моего, удела, принадлежащего матери моей,⁵ я довольствоваться буду им одним, и тем охотнее, что я приму от него *как дар* то, что он исполнит *как долг*.

Все отговорки мои остались тщетными. Апостол непоколебимо стоял в своем намерении, отражая мои заключения следующими доводами: на 1) что чистота намерений моих не может затмиться подозрением видов корыстолюбия, ибо он давно уже питал в душе своей мысль иметь во мне единственного преемника имени и достояния своего, чему служит доказательством и то, что он сделал мне предложение прежде, нежели мог узнать о успехе дел своих в столице; на 2) что по праву естественному он никогда не признает родственниками гонителей своих; а по праву гражданскому, то есть по конституции, которая в силе в Малороссии,⁶ может отдать имение свое не только мимо